

Симулятивность политического события: Актуальность подходов Ж. Бодрийяра и А. Бадью

© М.А. Максимов, И.И. Комиссаров

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Калужский филиал, Калуга, 248000, Россия

Раскрыто актуальное значение подходов Ж. Бодрийяра и А. Бадью к анализу общественно-политической реальности. Рассмотрена проблема симуляции политической деятельности на примере организации митингов, референдумов, предвыборных кампаний. Описаны основные механизмы воздействия массмедийных структур на современные события: безответность новостного сообщения, быстрота и всеохватность новостной информации, ее симулятивность, подмена понятий. Показано различие между подлинным и симулятивным политическими событиями.

Ключевые слова: политика, симуляция, симулякр, событие, массмедиа

В XX–XXI вв. во многих наиболее существенных сферах общественной жизни происходят значительные изменения. Они начались на Западе, но впоследствии стали влиять и на другие, незападные общества. Страны Запада, будучи индустриальными, постепенно трансформировались в постиндустриальные. В экономической сфере западных стран люди в меньшей степени стали заняты непосредственным производством реальных (материальных) ценностей, без наличия которых невозможно представить существование любого индивида, а значит, и самого социума. Люди все больше работают в сфере услуг, занимаются производством нематериальных ценностей, которые, конечно, имеют свою неоспоримую практическую пользу для общества, но не обладают экзистенциальной значимостью для выживания человека.

В социальной сфере, начиная со второй половины XX в., принято говорить об обществе потребления. Люди (в первую очередь, из западных стран) достигли такого благосостояния, при котором получили возможность покупать намного больше, чем нужно для непосредственного выживания. Более того, они стали приобретать лишнее — товары, покупка которых обоснована статусным положением, но никак не практической пользой. Например, автомобили — дорогое статусное, но малоэффективное средство для передвижения в условиях постоянных городских пробок.

Оговоримся, что авторы не считают, подобно Ж.-Ж. Руссо, что необходимо или желательно вернуться к прошлому (первобытному, аграрному или индустриальному), однако данные социально-экономи-

ческие явления и именно такой ракурс их рассмотрения следует иметь в виду при подробном знакомстве с концепциями Ж. Бодрийяра и А. Бадью.

Во многом вышеотмеченные изменения находятся под влиянием постоянно усиливающегося процесса глобализации и возникновения новейших технических средств, в том числе электронных СМИ. Последние оказывают большое влияние и на трансформацию современной политической жизни. Роль коммуникационной техники в политической жизни двояка (если пользоваться терминологией Ж. Бодрийяра — амбивалентна, неоднозначна). С одной стороны, средства электронной коммуникации могут зафиксировать событие (например, нелицеприятное преступление представителя власти), затем растиражировать, в результате чего такому политическому деятелю будет трудно выйти сухим из воды. На него могут быть наложены законные санкции, которые он, даже будучи тяжеловесом во власти, не сможет обойти.

С другой стороны, СМИ, современные технические средства могут идти против реализации в том или ином обществе демократических идеалов (равенство всех без исключения перед законом, прозрачность информации, свободный доступ к разным источникам информации и др.). Конечно, эти средства можно использовать для передачи истинных сообщений о реальных фактах, однако они также годятся для трансляции ложной, искаженной, тенденциозно освещенной информации. Благодаря скорости передачи новостных сообщений, которые охватывают большие территории (вплоть до всего земного шара), информация, в том числе ложная, может оказывать эффективное молниеносное (даже взрывоопасное) воздействие на умы людей.

В этом контексте исследование концепции симуляции Ж. Бодрийяра и концепции событийности А. Бадью становится все более актуальным. Именно Ж. Бодрийяр, в отличие от других мыслителей постмодернистской направленности, обратился к критическому анализу современных событий (конца XX — начала XXI вв.), имеющих непосредственное отношение или широкий резонанс в мировой политической сфере общественной жизни: война в Персидском заливе, события 11 сентября 2001 г., процессы евроинтеграции в рамках Европейского союза и др. Что касается А. Бадью, то он интересен нехарактерным для постмодернизма оптимистическим настроением по поводу восстановления актуальности и значимости политической философии в современном интеллектуальном пространстве.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с терминологией. Авторы исходят из широкого определения термина «политическое событие», что позволит адекватно анализировать оригинальные концепции постмодернистских философов. Итак, политическое событие — это общественное явление, связанное с реализацией интере-

сов одних социальных групп (социальные слои, классы, отдельные государства, блоки стран) в ущерб интересам других. Смысл здесь не в том, чтобы навредить остальным людям, но в том, что поддержание своих интересов вынужденно влечет за собой игнорирование интересов других лиц и идет им во вред. Любое развитое общество вследствие разделения труда социально и экономически неоднородно, что порождает конфликт интересов, который разрешается с участием политического аппарата (государства), в идеале цивилизованными методами.

Возьмем условный пример: любое общество можно разделить на производителей товаров и услуг и потребителей этих благ. Производители хотят продать товар как можно дороже, больше денег оставить себе в качестве прибыли, чтобы развивать и вкладывать их в производство, тогда как потребители нуждаются в доступности товаров и услуг, соответственно, в их дешевизне. Государству приходится балансировать между интересами этих двух социальных групп, поддерживая одни и, соответственно, игнорируя и нанося ущерб другим: повышение цен невыгодно потребителям, а их снижение может нанести экономический удар производству. Если одна из сторон заключает, что игнорирование ее интересов зашло слишком далеко, то она вправе заявить государству о своем протесте, например, выйдя на площади, что является политическим событием.

Если политическое событие направлено на реализацию интересов какой-либо группы людей только на словах, но по существу не отражает такой цели, то можно говорить о симулятивности такого события, т. е. оно приобретает свойство неподлинности, становится симулякр. Симулякр, по мнению авторов, это явление, которое формально обладает всеми признаками подлинности и соответствия реальности, однако с содержательной стороны подлинность и связь с реальностью утрачиваются. Итак, симулятивность предполагает разрыв между формой и содержанием при внешнем постулировании их единства.

Обратимся к политическому учению Ж. Бодрийера. В современной социальной действительности симулякр преподносится человеческим массам как первостепенная реальность, заменяющая при этом реальные ценности и потребности [1]. Процесс симуляции достигает своего апогея именно в политической сфере, где используется особый дискурс, часто основанный на подмене понятий (война становится «миротворческой операцией», насилие и убийство — «гуманитарной интервенцией»). Когда масса практически не имеет механизмов реального управления государственной жизнью, симуляция уже превращается в реальность, а не просто выступает ее подменой.

Политика в ее классическом понимании происходит в пределах ограниченного пространства с учетом определенных перспектив, где причины и последствия какого-либо действия можно просчитывать. В современной политической системе, как считает Ж. Бодрийер,

больше не существует линейной последовательности, и каждое действие политических сил растворяется по всем векторам и становится приемлемым для всех его участников. Здесь торжествует логика симуляции, которая больше не имеет ничего общего с логикой фактов и первопричинности [2, с. 41–50].

По мнению авторов, одним из проявлений симулятивности политики является ее неизбежная вписанность в процесс декодирования и дискурс СМИ с постоянным дистанцированием от ее реальных задач и целей. При этом политики всячески спекулируют актуальными проявлениями различных кризисных явлений и средствами стратегического целеполагания, чтобы уберечься от угроз апотропии — обесмысливания реальности. Но для Ж. Бодрийяра данная деятельность не воскрешает реальное, а лишь углубляет деградацию политического, так как, желая выйти из кризиса, политические силы разрушают собственные структуры, тем самым отказываясь от целесообразности. Вся политическая стратегия в таких обстоятельствах сводится к психологическому террору и ожиданию неминуемой катастрофы.

Итак, с точки зрения Ж. Бодрийяра, мировая политика существует в пространстве перманентной симуляции. Все политические институты власти занимаются не только контролем производства-потребления знаков, но и условиями их обмена, т. е. власть предстает как куратор знакового обмена. Немалую роль в имитации политического действия играют массмедиа, поскольку отсутствие смысла в передаваемой ими информации ведет к отсутствию смысла самой власти. Миром правят технологические сети, которые создают искусственные общности, указывающие на реальность их противоположностей. Но парадокс заключается в том, что симулякр предстает в образе этой реальности. Иными словами, замещение политической реальности симулякром уводит электорат в сторону иллюзий [3, с. 249–278].

Каким же образом осуществляется процесс перерастания политики в ее симуляцию? Политическая деятельность симулируется с сугубо прагматической целью сохранения или обретения властных полномочий — успехом локального уровня, не имеющего ничего общего ни с реализацией конкретных программ, ни даже с выполнением традиционных обещаний политиков народу. Появляются симулякры самих источников власти: возникают структуры с размытыми функциями, иногда даже никак легитимно не закрепленными. Разумеется, симулякры бурно развиваются и в сфере международных отношений. Новые нормы взаимодействия между ведущими игроками на международной арене и их реальные контуры еще далеки от рациональной кристаллизации. Как полагает ряд зарубежных и отечественных специалистов, сегодня возрастает опасность того, что основным способом дипломатической деятельности станет симуляция стратегического партнерства, которое на деле превращается в ла-

тентный отказ международных структур от цивилизованных и правовых методов разрешения конфликтов. Тем самым все больше возрастают риски, связанные с непредсказуемыми флуктуациями политических интересов и попытками глобального управления [4, с. 167–169].

Деграцию политического в бодрийеровском смысле слова можно проследить на примере действий политических партий и профсоюзов, организации забастовок и всенародных голосований, а также проведения военных действий. Нужно иметь в виду, что деграция политического относится к симулятивным событиям и отличается от подлинных событий, которые еще претендуют на сохранение своего реального политического статуса. Так, к подлинным политическим событиям относятся всенародные восстания 1968 г. (свидетелем которых был сам Ж. Бодрийяр), тогда как неподлинными являются действия французских политических партий и профсоюзов в отношении этого восстания и его участников.

Для того чтобы разобраться в данной дифференциации, следует выяснить, что произошло в мае 1968 г. Обратим внимание на такие черты Красного мая, как спонтанность, самоорганизация, неподконтрольность каким-либо общественным объединениям, отсутствие преднамеренного планирования и координирования действий выступавших. Особенно выразительно эти черты проявились в обмене информацией между участниками восстания. Поясним это на примере граффити, к которым обращался сам Ж. Бодрийяр.

Обмен знаками, общение между протестующими студентами проходили непосредственно, открыто, взаимно, по этой причине здесь можно увидеть реализацию принципов символического обмена. Реципиент сообщения имел возможность ответить на него непосредственно, что контрастирует, например, с невозможностью телезрителя ответить на новостное сообщение, транслируемое с экрана телевизора. Граффити же обозначались не в строго отведенных местах, а там, где протестующие сочтут нужным. Эти граффити оживляли здания, которым была заранее отведена определенная роль в капиталистической системе. «Пожалуй, только в мае 1968 г. во Франции граффити и афиши захлестывали стены по-другому, взяв в оборот сам свой материальный носитель, вернув стенам ту стихийную изменчивость, внезапность надписи, что равнозначно их полной отмене. Надписи и фрески на стенах Нантерского университета как раз и осуществляли такое антимиатическое действие — захват стены как означаемого функционально-террористической разметки пространства» [1, с. 160].

На другом полюсе дифференциации событий, по Ж. Бодрийяру, находятся политические партии и системы профсоюзов. Их развитие привело к тому, что руководство этих организаций отрывалось от представляемого ими народа, вступало в сговор с капиталистами, тем

самым переставало кого-либо представлять, теряло свой революционный заряд. Бюрократическое руководство профсоюзов организовывало протесты сверху не для того чтобы всерьез бороться против недостатков капитализма, а для того, чтобы, заставив восставших выпустить пар, свести на нет их недовольство. Так, в 1968 г. Французская коммунистическая партия отказалась использовать свое влияние и взять руководство над движением Красного мая, пытаясь таким способом задуть революционный порыв народных масс [5, с. 289–291]. Как утверждает Ж. Бодрийяр, «сегодня забастовка (в форме ее просчитываемого расширения) стала абсолютным оружием профсоюзов против несанкционированных забастовок» [6, с. 248].

Недовольные студенты 1968 г. обошлись без медвежьих услуг левых организаций и профсоюзов, смогли сами стать хозяевами положения, хотя и на определенное время. Именно поэтому для Ж. Бодрийяра события такого рода приобретают статус подлинных политических событий, в отличие от забастовок, организованных по указке, сверху и фактически направленных против самих протестующих. В мае 1968 г. бастующие люди жили (в бодрийяровском смысле слова), ставили на карту свое будущее и благополучие («принимали смерть»), а не вливались в протесты, которые больше походили на театральное представление, где актерами выступали сами бастующие, порой даже не осознавая своего симулятивного статуса [1, с. 78–81].

Однако господствующая система всеми силами старалась не давать возможность проведения подобных акций, пыталась любыми средствами нейтрализовать любую активность масс. Оценивая события современности, Ж. Бодрийяр следует все той же дифференциации: с одной стороны, выборы, референдум, всенародные праздники (например, празднование 200-летия Великой французской революции), война в Ираке, а с другой — явления, не подпадающие под рамки нормального, вирусы и цепные реакции типа террористических актов (в том числе события 11 сентября 2001 г.), компьютерных вирусов, биржевого краха, безработицы. Если вторые еще могут претендовать на статус подлинного политического события в бодрийяровском смысле, то первых никак нельзя назвать таковыми.

По мнению авторов, данную дифференциацию можно применить и к другим событиям мировой истории, в том числе российской. Подлинными политическими событиями в этом смысле являются крестьянские войны в России XVII–XVIII вв., партизанские движения во время Отечественной войны 1812 г., события Февральской революции и др. В качестве симулятивных — распад СССР (вопреки мнению широких слоев народных масс), выборы Президента РФ 1996 г. (где для победы Б.Н. Ельцина использовались техники манипулирования информацией с помощью телевидения и других СМИ).

Почему террористические акты 11 сентября 2001 г. Ж. Бодрийяр называет подлинными политическими событиями? Западное общество односторонне одаривает развивающиеся страны благами своей цивилизации (демократия, права человека, правовое государство, свободный рынок). Перенесение чужеродных культурных феноменов на государства, обладающие иной культурной идентичностью, способно породить негативную ответную реакцию. В отсутствии возможности подлинно революционного сопротивления другим культурам остается только умереть [7]. События 11 сентября 2001 г. — наглядный пример такого сопротивления. Террористы отдают свои жизни, утверждая таким образом свою свободу от насильственного одностороннего навязывания западных ценностей.

Отметим в этой связи, что позиция авторов статьи к явлению терроризма однозначно негативная. Обращение к бодрийяровской интерпретации террористических актов, по мнению авторов, поможет выявить одну (но не единственную) причину возникновения этой агрессии по отношению к ни в чем не повинным людям.

Ж. Бодрийяр считает, что реакция, подобная терактам 11 сентября 2001 г., возникает не только у культур, которые Запад стремится подчинить своему влиянию, но и в самом западном обществе. Западноевропейский народ находится в непростом состоянии, поэтому он в своей неопределенности начинает терроризировать систему, смутно осознавая свое ненастоящее положение [8, с. 62, 63]. Например, перед референдумом по Конституции Европейского союза во Франции возник всплеск негодования относительно утверждения конституции единой Европы. По мнению Ж. Бодрийяра, это сопротивление не является результатом критической мысли, а скорее представляет собой произвольную, бессознательную реакцию на одностороннее установление единого порядка, организаторы которого требуют в ультимативной форме проголосовать в поддержку этого порядка [9].

Актуальность идей Ж. Бодрийяра (прежде всего, идеи совмещения понятий политики и симуляции) выражается сегодня во многих фактах фальсификации избирательного процесса, в технологиях создания имиджа власти и т. п. Ситуация складывается так, что средства массовой информации создают, по мысли Ж. Бодрийяра, гиперреальность (симуляцию смысловой коммуникации) и фактически перестают отражать действительность. Эту негативную тенденцию можно легко проиллюстрировать на примере механизмов освещения современных политических событий. Особого внимания из их числа достойны информационные битвы, разразившиеся вокруг сегодняшнего политического кризиса на Украине. Отражение данного кризиса в прозападных и в пророссийских СМИ приняло такие формы, что практически стало невозможно реконструировать реально происходящие действия. Гражданский вооруженный конфликт 2014 г. может

в определенном ракурсе предстать как тотальная симуляция, так как растет количество реальных жертв, но его участники не слишком озабочены достижением компромисса. Цель конфликта — любыми путями создать видимость достижения поставленных задач, или, точнее, заявленных задач, затем с помощью техник пиара симулировать убеждение наблюдателей, так называемой общественности. Достижение этой видимости осуществляется не столько с помощью действия военной техники, сколько посредством идеологов и лозунгов, транслируемых в СМИ. Таким образом, военный конфликт пытаются выиграть теми же средствами, что и предвыборные кампании. По такой логике победы и потери обретают онтологический статус лишь после того, как они были отражены в СМИ, факт освещения события сам по себе конституирует событие, независимо от того, имело оно или не имело место на самом деле.

Итак, современная деградация политического для Ж. Бодрийера выражается во всеобщем подавлении подлинных политических событий и распространении симулятивных, создаваемых, в том числе, с помощью СМИ. Событие может быть подлинным, если участники ставят на карту свою жизнь, свое благосостояние, готовы всерьез пожертвовать собой ради достижения своих целей. «Но когда нет такой ставки, на которую вешают позорное определение “самоубийственный”, тогда больше не может идти речи о событии, и все становится игрой» [7]. Участники событий должны восстать против существующего положения в угоду своим интересам, их действия не должны быть загнаны в рамки преднамеренного сценария: никто заранее не знал, чем могут обернуться французская революция или майские протесты 2012 г. на Болотной площади. Поэтому легальные протесты, санкционированные властью и массмедиа, не могут служить примером подлинного политического события.

Насколько тот или иной факт совпадает (или соотносится) с определенным событием? Является ли политический факт идентичным событию политической жизни? Каким образом можно определить событийность в наличной политической реальности? Какова инновационная значимость того или иного политического события? Данный круг вопросов, безусловно, очерчивает проблематику политического измерения события в современном мире и продолжает оставаться сегодня предметом обсуждения в различных философских сообществах. По мнению авторов, оригинальный подход к указанной проблематике предложил современный философ А. Бадью.

По А. Бадью, событие — это «случайное, непредвиденное, исчезающее пополнение» [10, с. 97]; «событие есть то, что недостает фактам, и то, что задает этим фактам истинность» [11, с. 54]. Событие становится политическим, если его можно приписать исключительно множественности некоего коллектива. Причем коллектив не понима-

ется в виде числового концепта. Событие приобретает коллективный смысл, когда оно является носителем определенного виртуального требования ко всем.

В случае политики, по мнению А. Бадью, универсальность представляет собой внутреннюю сущность, а не просто характер назначения: «В политике для всех в любой момент явлена возможная доступность мысли, идентифицирующей субъект» [11, с. 218]. Субъекты конкретной политики А. Бадью называет «активистами процедуры». Коллективный же характер политического события предписывает, чтобы все виртуально являлись активистами мысли, которая производится исходя из события [11, с. 219]. Из этого следует, что не может быть консенсуса мнений по поводу события, так как признание чего-либо в качестве события совпадает с ним самим. Человек создает политическое событие как активный участник происходящего, но не как пассивный наблюдатель, который фактически отсутствует в реальном политическом пространстве. Таким образом, в рамках событий проявляют себя как субъекты лишь те, кто принимает политические решения и осуществляет политические действия: «Есть множество политик по числу принимающих решения и действующих субъектов» [11, с. 115].

В чем же заключается инновационный характер политического события? Как полагает А. Бадью, событие не столько создает политическую реальность, сколько открывает возможность для ее дальнейшей трансформации. Если политические активисты осуществляют процедуру истины (реализуют политическую программу действий), то событие встраивается в политическую жизнь общества [12]. Таким образом, событие как инновация в современной политической реальности остается способом открытия и постепенной реализации тех или иных возможностей, но, как полагает А. Бадью, государственные структуры стремятся установить монополию на альтернативные варианты развития событий. Иными словами, власть пытается представить себя безальтернативной. Государственная власть постепенно подавляет избыток активности и инновационных устремлений граждан. Здесь, по мнению авторов, А. Бадью излишне радикально подходит к оценке процесса государственного управления, в рамках которого возможна поддержка различных гражданских инициатив.

Однако А. Бадью актуализирует проблему инновационного производства социальных и политических институтов, т. е. можно или фиксировать наличную общественную ситуацию, или попытаться создать альтернативную повестку дня. По мнению авторов, предложенный А. Бадью вариант поиска сценариев будущего социально-политического мироустройства можно назвать довольно продуктивным.

Современный словенский философ С. Жижек отмечает, что Бадью, вопреки постмодернистским настроениям, выступает за возвращение универсального характера политической деятельности в усло-

виях глобальной случайности, тем самым реабилитируя смысл политической философии [13, с. 185]. Кажется, что в современном постполитическом мире ничего нового не происходит, но Бадью продолжает настаивать на том факте, что различные гражданские организации сохраняют верность прошлым событиям и способны проявить себя в политической жизни.

Однако вызывает опасение то обстоятельство, что данная активность необязательно примет демократический и гуманный характер. Как известно, любой конструктивный политический процесс отличается своей организованностью. Процесс конфронтации (скорее стихийной, чем организованной) одиноких активистов с государственной системой призван, согласно А. Бадью, сменить прежний политический курс, обозначенный консенсусом различных партий. Но каким образом произойдет данная трансформация политического курса и куда она приведет граждан — этот принципиально важный аспект проблематики, по мнению авторов, остается по-прежнему непроясненным.

Возникает вопрос: насколько подлинное событие способно оказать положительное воздействие на общественно-политическую реальность, которая практически погружена в симулятивное состояние? Не исключено, что такое событие принесет излишнюю дезорганизованность в нынешний хрупкий порядок. И кто будет претендовать на роль субъекта подлинного события, если прежние категории народа и класса уже не имеют четко обозначенного социального референта, т. е. в реальной социальной субстанции привычным политическим знакам может ничего не соответствовать [2, с. 130]. Как отмечает отечественный исследователь В.А. Подорога: «Реальность — не то, что на самом деле произошло, но то, что стало восприниматься как происшедшее. Выражение “на самом деле” и есть симулякр того, что иначе, как только этим двусмысленным жестом не может быть представлено. Как будто мы уже знаем, что такое реальное, и нам есть с чем сравнить то, что нам кажется нереальным, чистым симулякром» [14]. Но в любом случае строго определенный событийный факт, называемый подлинным, требует отдельного рассмотрения и систематизации. Данный смыслообразующий путь в контексте нестабильного состояния современной политической системы, безусловно, сохраняет свою актуальность. Ведь не исключено, что использование концепта «политика» в качестве симулякра является лишь симулятивной теоретической деятельностью, направленной больше на дистанцирование от жизненных проблем, чем их интерпретацию.

Несмотря на это, в заключение следует отметить высокую ценность идей Ж. Бодрийера и А. Бадью для корректировки представлений о политической реальности. В нынешних обстоятельствах усиливающейся негативной практики симуляции политических событий, в том числе в массмедийном пространстве, требуется концептуаль-

ный подход к пониманию таких процессов. Речь идет, с одной стороны, об информационных войнах, атрибутами которых являются скорость, всеохватность передаваемых сообщений и в то же время тенденциозность освещения информации, подмена понятий, невозможность ответить на новостные сообщения, взаимные отсылки сообщений друг к другу, но не к описываемой реальности, с другой — о симулятивной сущности самих политических событий, что выражается в забвении (иногда даже неосознаваемом) поддерживаемых интересов участниками события при поверхностном их декларировании и отстаивании. И несомненно, подходы Ж. Бодрийера и А. Бадью к данной проблематике способны послужить элементами построения более адекватного современным условиям методологического аппарата для исследования общественно-политической жизни современных обществ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бодрийер Ж. *Символический обмен и смерть*. Москва, Добросвет, КДУ, 2009, 387 с.
- [2] Бодрийер Ж. *Симулякры и симуляция*. Тула, Тульский полиграфист, 2013, 204 с.
- [3] Черных А. *Мир современных медиа*. Москва, Территория будущего, 2007, 312 с.
- [4] Волков В.В. Тектология глобального управления. *Политика и политические науки*, 2012, № 6, с. 167–169.
- [5] Семенов А.Л. Май 1968 года во Франции. В кн.: *Левые в Европе: люди и идеи*. Москва, ИВИ РАН, 2000, с. 265–295.
- [6] Бодрийер Ж. *К критике политической экономии знака*. Москва, Академический Проект, 2007, 335 с.
- [7] Baudrillard J. La violence de la mondialisation. *Le monde diplomatique*. URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2002/11/BAUDRILLARD/9608> (дата обращения 15.03.2017).
- [8] Бодрийер Ж. *Прозрачность зла*. Москва, Добросвет, 2000, 387 с.
- [9] Baudrillard J. L'Europe divine. *Libération*. URL: <http://www.liberation.fr/tribune/0101529425-l-europe-divine> (дата обращения 15.03.2017).
- [10] Бадью А. *Этика: Очерк о сознании Зла*. Санкт-Петербург, Machina, 2006, 126 с.
- [11] Бадью А. *Можно ли мыслить политику?* Москва, Праксис, 2005, 240 с.
- [12] Бадью А. *Философия и событие*. Москва, ИОИ, 2013, 192 с.
- [13] Жижек С. *Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии*. Москва, Дело, 2014, 528 с.
- [14] Подорога В.А. Событие и массмедиа. Некоторые подходы к проблеме. *Синий диван*, 2010, № 14, с. 35–52.

Статья поступила в редакцию 19.06.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Максимов М.А., Комиссаров И.И. Симулятивность политического события: Актуальность подходов Ж. Бодрийера и А. Бадью. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 9. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-9-469>

Максимов Михаил Александрович — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия и политология» Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана.
e-mail: mikecloud@mail.ru

Комиссаров Иван Игоревич — ассистент кафедры «Философия и политология» Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: модели в социальной философии. e-mail: ivanlotrov@list.ru

Simulativity of a political event: Significance of J. Baudrillard's and A. Badiou's approaches

© M.A. Maximov, I.I. Komissarov

Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch, Kaluga, 248000, Russia

The article reveals the actual significance of J. Baudrillard's and A. Badiou's approaches to the analysis of socio-political reality. We consider the problem of simulating the political activity through the example of organizing rallies, referendums, election campaigns. The main mechanisms of the mass media structures influence on modern events are described: the irresponsiveness of the news message, the speed and inclusiveness of the news information, its simulativity and the substitution of notions. We show the distinction between genuine and simulated political events.

Keywords: politics, simulation, simulacrum, event, mass media

REFERENCES

- [1] Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet, KDU Publ., 2009, 389 p.
- [2] Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Tula, Tula polygraphist Publ., 2013, 204 p.
- [3] Chernykh A. *Mir sovremennykh media* [The world of modern media]. Moscow, Territory of the future Publ., 2007, 312 p.
- [4] Volkov V.V. *Politika i politicheskie nauki — Politics and political sciences*, 2012, no. 6, pp. 167–169.
- [5] Semenov A.L. *May 1968 goda vo Frantsii* [May 1968 in France]. *Levye v Evrope XX veka: lyudi i idei* [Left in Europe: people and ideas]. Moscow, Institute of General History of the RAS Publ., 2000, pp. 265–295.
- [6] Baudrillard J. *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [For a critique of the political economy of the sign]. Moscow, Academic Project Publ., 2007, 335 p. [in Russ.].
- [7] Baudrillard J. *Le monde diplomatique*, November 2002, p. 18. Available at: <https://www.monde-diplomatique.fr/2002/11/BAUDRILLARD/9608> (accessed March 15, 2017).
- [8] Baudrillard J. *Prozrachnost zla* [The Transparency of Evil]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000, 387 p. [in Russ.].
- [9] Baudrillard J. *L'Europe divine*. Available at: <http://www.liberation.fr/tribune/0101529425-l-europe-divine> (accessed March 15, 2017).
- [10] Badiou A. *Ethics: Etika: Ocherk o soznanii Zla* [An essay on the understanding of evil]. St. Petersburg, Machina Publ., 2006, 126 p. [in Russ.].
- [11] Badiou A. *Mozhno li myslit politiku* [Can a politician think?]. Moscow, Praxis Publ., 2005, 240 p. [in Russ.].
- [12] Badiou A. *Filosofiya i sobytie* [Philosophy and the event]. Moscow, IOI Publ., 2013, 192 p. [in Russ.].
- [13] Zhizhek S. *Shchekotlivyy subekt: otsutstvuyushchiy tsentr politicheskoy ontologii* [The ticklish subject: the missing center of political ontology]. Moscow, Delo Publ., 2014, 528 p. [in Russ.].
- [14] Podoroga V.A. *Siniy divan — A blue sofa*, 2010, no. 14, pp. 35–52.

Maximov M.A., Cand. Sc., Assoc. Professor, Department of Philosophy and Political Sciences, Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch.
e-mail: mikecloud@mail.ru

Komissarov I.I., Assist. Professor, Department of Philosophy and Political Sciences, Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch. Research interests include: models in social philosophy. e-mail: ivanlotrov@list.ru